

Валентина ТАЛЫЗИНА

Пьяный дубль

Он был нежным и застенчивым человеком, оттого и очень закрытым.

Я не дружила с ним близко, и домами мы не общались. Но после "Зигзага удачи" он написал мне на фотографии слова из роли Ивана Степановича: "Я, можно сказать, тебя люблю. 29. V-68 г.". Написал иронически, а я приняла всерьез и на всю жизнь...

Был первый день съемок "Зигзага удачи". Рязанов наконец утвердил меня на роль, сделав мне несколько проб "на юмор" — есть ли он у меня. Должен был прийти Евстигнеев, уже известный актер. Я нервничала, робела, ведь партнер — это все... Наконец приходит Женя. Рязанов нас знакомит. И вот тут, не знаю, почувствовал он мое волнение или не почувствовал, но, протягивая мне руку, он тихонько, как-то по-свойски, сказал: "Слушай, я купил тут четвертинку, посидим потом". Я радостно с восторгом закивала и весь первый съемочный день ждала этого момента.

Через день-два к нам присоединился Бурков, и мы не расставались уже до окончания картины. Мы так сильно сдружились, что вся съемочная группа называла нас: "Полупанов, Фирсов и Харламов" — по аналогии с неразлучными хоккеистами...

Сняли павильоны, и пошла зимняя натура. Стоял февраль, надвигалась весна. Рязанов начал снимать по полторы смены ежедневно. А это означает, что ты приходишь к двенадцати часам дня, гримируешься, выходишь на улицу, где пребываешь на холоде до двенадцати ночи. Нет, там, где-то за углом, стоял холодный автобус, в котором можно было бы теоретически отдохнуть. Но тем не менее двенадцать часов зимней природы — это серьезное испытание, ведь одеты мы были в какое-то послевоенное легкое тряпье из подбора на "Мосфильме" и очень в нем мерзли.

Часам к пяти дня становилось совсем невмоготу. Почему-то я это время запомнила точно. К этому часу два моих товарища что-то приносили из выпивки, а может, какие-то знакомые стекались и тоже что-то приносили, не помню. Просто мы принимали каждый день свою дозу и прекрасно снимались до конца смены. На следующий день все повторялось.

Однажды, когда мы работали в Благовещенском переулке, то зашли погреться в урочные пять часов в какой-то подъезд. И тут открылась дверь, и вошел Аркадий Исаакович Райкин с женой. Они жили в этом доме. Мы быстро переключились отвечать на вопросы Райкина. Он расспрашивал Женю, что мы тут делаем, какую картину снимаем, кто в ней занят, что за роли. Женя представил ему своих молодых коллег... "Ну, желаю вам успеха, до свиданья, всего доброго!" — и спокойно стал подниматься на лифте, под звук которого мы спешно начали согреваться спиртным, перешептываясь: "Давай быстрее, а то еще кто-нибудь войдет!"

Однажды на площадку в ярости приехал Рязанов и собрал всю группу вокруг автобуса. Он начал тихо и зловеще: "Значит, так, я никогда не думал, что вы так плохо ко мне относитесь. И я не потерплю к себе хамского отношения. Я вам всем в театры напишу телеги, чтобы там знали, как вы себя ведете. Я уверен, что в театре вы бы себе не позволили того, что позволяете в моей картине. Это надо не иметь совести, не иметь порядочности, я не ожидал от вас, это просто ужас! Женя, мне пришлось выбрать пьяный дубль. Это стыдно, Женя! А ты, Талызина, вообще монстр!" — и ушел. В группе повисло молчание... Мимо нас прошел Володя Досталь, бросив на ходу: "Вообще-то, ребята, действительно нехорошо. А тебя, Валька, видно больше всех", — и удалился.

Мы разбрелись молча одеваться, гримироваться, опять эти полторы смены, опять так же холодно. Все идет нормально, приближаются пять часов. Я подхожу к Буркову и Евстигнееву и говорю: "Ну что?" Они молчат. Я говорю: "Ну так как же?" И Бурков, пряча

глаза, отвечает: "Ну ты действительно, Валька, выпьешь на копейку, а показываешь на рубль". Я говорю: "Так вы что, не дадите мне, что ли? Вы меня что, выкидываете?" И Евстигнеев сказал: "Да налей ты ей". Мы быстро приняли, и снова стало хорошо. Не помню, о чем говорили, но говорили много и долго. Жора философствовал. Женя что-то показывал, а я от восторга хохотала и была счастлива. Мы снова были раскованными, свободными, веселыми и талантливыми. Благословенные дни с двумя великими актерами. Это теперь я понимаю. Сожалею, что у меня в жизни было мало таких минут, таких общений. У них, наверное, было больше, уж больно гениальные были мужики.

Что-то есть фатально неизбежное в наших российских актерах. Смотрите, сколько из них укоротили себе жизни, чтобы быть почаще раскованными и свободными, чтобы забыть все убожество и нищету этой идеологии, которая диктовала и указывала нам, как жить.

Веч. вып. - 1996 - 12 стр
© 5.

204